

Оглавление

I глава	7
II глава. Талия	24
III глава. Элинор	41
IV глава. Талия	53
V глава. Элинор	58
VI глава. Талия	67
VII глава. Элинор	70
VIII глава. Талия	79
IX глава. Элинор	92
X глава. Талия	105
XI глава. Элинор	117
XII глава. Талия	131
XIII глава. Элинор	144
XIV глава. Талия	156
XV глава. Элинор	164
XVI глава. Талия	177
XVII глава. Элинор	188
XVIII глава. Талия	203
XIX глава. Элинор	217
XX глава. Талия	225
XXI глава. Элинор	232
XXII глава. Талия	240

XXIII глава. Элинонр.....	251
XXIV глава. Талия	259
XXV глава. Элинонр	265
XXVI глава. Талия	276
XXVII глава. Элинонр.....	290
Эпилог.....	304
Примечание автора	312
Благодарности	315

*Трише и Нэлли,
любительницам хороших романов*

*Удача — как вдова,
Не покорится трусу.*

Уильям Сомервиль

— Зачем деньги и независимость, — спросила Элино́р Локхарт, — если все равно нужно соблюдать приличия? Я приехала в Лондон не за степенной скукой. Все это есть в Уилтшире. — Элино́р стянула зеленые ленты новой шляпки под подбородком.

Мисс Фанни Блэйксли в нерешительности стояла перед входной дверью прекрасного городского дома, который Элино́р арендовала на сезон, будто собиралась помешать молодой женщине покинуть его.

— Вы так молоды и пойдете на прогулку одна? Это будет грустное зрелище.

Элино́р, взяв пару перчаток со столика у двери, надела их.

— Мне семнадцать с половиной, — с достоинством произнесла она. — Я была замужем и овдовела, так что любой скажет, что я не ребенок и относиться ко мне нужно соответствующе. И это вовсе не будет грустным зрелищем. Я в хорошем настроении и стану улыбаться каждому встречному.

Словно в подтверждение своих слов, она одарила спутницу улыбкой.

— О, Элино́р! — Мисс Блэйкли попятилась к двери, мотая головой так, что седые локоны у ее щек задрожали.

Радость на лице Элино́р померкла. Она надеялась, что, наняв в компаньонки женщину постарше, сможет делать все, что ей заблагорассудится. Возможно, все-таки следовало поискать кого-то помоложе.

— С вашего позволения, мисс Блэйкли, я собираюсь прогуляться одна. Я буду в полной безопасности, придерживаясь людных улиц. Я плачу вам приличное жалование не за то, чтобы вы мешали мне, и, если станете возражать и дальше, я позову дворецкого, чтобы он вас выпроводил.

Мисс Блэйкли поспешно отошла от двери.

— Только, прошу, скажите, куда вы собираетесь идти. Иначе я буду так волноваться.

Элино́р вздохнула.

— Я прогуляюсь до Грин-парка, возможно, даже до Сент-Джеймс. Мне очень хочется свежего молока.

— Разве это не слишком далеко? — спросила мисс Блэйкли. — Умоляю, не изнуряйте себя. И подумайте, как это будет выглядеть: пить молоко на открытом воздухе, словно простолоюдинка. О, и прошу, держитесь подалее от Сент-Джеймс-стрит. Ни одна леди не должна показываться там без сопровождения джентльмена.

— Я не стану себя изнурять, и, думаю, у людей найдутся дела поважнее, чем смотреть, как я пью молоко, если уж соберусь его попробовать. Не волнуйтесь так сильно... Я вернусь через час, может два, и затем вы сможете присоединиться ко мне. Я должна починить замок на маминном ожерелье.

Мисс Блэйкли слегка оживилась.

— Конечно же. Ваша дорогая мама! — Она прижала руки к груди, забыв, что на самом деле ничего не знает о матери Элино́р. Как и сама Элино́р.

— Могу ли порекомендовать вам хорошего ювелира с Поланд-стрит?

— Вы сможете порекомендовать кого угодно... когда я вернусь.

Элинор плотнее закуталась в шаль, открыла входную дверь и решительно спустилась по лестнице в ветреный апрельский день. Только когда дверь за ней закрылась, напряженные плечи девушки расслабились.

Мисс Блэйкли была уважаемой женщиной и, кроме того, разорившейся кузиной покойного мужа Элинор, Альберта. Не ее вина, что она зануда, — по крайней мере, не совсем ее. Конечно, она могла исправить то, что дала ей природа, приложив некоторые усилия. Но Элинор знала, что такое бедность и отчаяние, и не могла найти в себе сил отказать этой женщине.

Резкий порыв ветра пронесся по Керзон-стрит, и каштановые кудри Элинор упали ей на глаза. Она убрала волосы под шляпку и зашагала дальше. Холодный ветер, возможно, и испугал бы человека не столь закаленного, но не Элинор. Было приятно чувствовать себя на свободе, в наполненной жизнью Лондоне.

Она любовалась тюльпанами, растущими вдоль дороги, и кивнула джентльмену и леди, которые показались ей знакомыми. Джентльмен довольно сдержанно кивнул в ответ, но леди сделала вид, будто не замечает ее. Вероятно, они все-таки не знакомы.

Или, может быть, мисс Блэйкли права, и женщине, даже вдове, не подобает гулять одной.

Что ж, Элинор все равно. Она наконец-то в Лондоне, вдали от душающих комнат Локхарт-холла, от маленького городка, где люди довольно добры, но навсегда запомнили ее как жалкую девицу, которой удалось заполучить богатого мистера Альберта Локхарта. Она знала,

что на нее косо смотрят, когда выходила замуж за человека, годившегося ей в отцы — кем бы *ее отец* ни был, — но Альберт хотел жену и наследника, а она отчаянно нуждалась в доме. По крайней мере, Альберт был добр к ней.

Элинор вздохнула. Супруг всегда хотел привезти ее в Лондон, показать музеи и сады, провести на светские вечера. Но не прошло и месяца со дня свадьбы, как он заболел гнилостной болезнью горла и вскоре умер. Она весь год оплакивала свой брак, который продлился ничтожно мало. Бедный Альберт.

Девушка встряхнулась. Она не станет сентиментальничать, ни сейчас, ни когда бы то ни было.

Элинор прошла мимо маленькой церкви. Когда они приехали, мисс Блэйкли обратила ее внимание на то, что в восемнадцатом веке тут было заключено много тайных браков, в том числе и брак одной из знаменитых сестер Ганнинг. Элинор испытывала сочувствие к мисс Ганнинг, поскольку обедневшая молодая женщина обрела невероятно высокое положение благодаря браку с герцогом, хотя, овдовев, быстро вышла замуж за другого герцога, а Элинор не собиралась искать нового мужа.

Она понимала, насколько ей повезло получить деньги и независимость, — она не станет рисковать этим.

Пройдя по Хаф-Мун-стрит вдоль ограды Пикадилли, Элинор наконец дошла до входа в Грин-парк и скользнула внутрь. Под кронами деревьев, окаймлявших газоны, было благословенно тихо: время для толп молодых людей, которые собирались под вечер, было еще раннее. Элинор последовала по тропинке, заметив поздний цветок нарцисса, трепещущий, словно желтый флаг на ветру.

Она хотела повернуть на юго-восток, чтобы попасть в парк Сент-Джеймс, но не успела отойти далеко, как к ней обратился хорошо одетый джентльмен.

— Элино́р, — сказа́л он, и все в ней сжа́лось.

— Мисте́р Локха́рт, — отве́тила она, отка́зываясь от фами́льярного тона, кото́рый племя́нник мужа, каза́лось, реши́л навяза́ть ей.

Он хму́ро посмотре́л на нее сверху́ вниз.

— Что ты дела́ешь здесь одна́?

Элино́р не удо́стоила его отве́том.

— Как вы меня́ нашли́?

— Я заеха́л к тебе́ домо́й, — отве́тил он. — Я раздобы́л пригла́шения в «Олма́к» для тебя́ и мисс Блэ́йкли.

— На ярма́рку невест? Как это... любе́зно с вашей сто́роны.

Но можно́ ли счита́ть это любе́зностью? Джо́рдж Локха́рт бы́л заинте́ресован в том, что́бы она́ снова вы́шла заму́ж, учиты́вая усло́вия заве́щания́ ее мужа́. Элино́р не зна́ла, что́ думать о его́ племя́ннике, проявля́вшем ве́жливость по отнóшению к ней в те не́сколько раз, ко́гда они́ видели́сь, но дово́льно ле́нливом и не скло́нном хло́потать ра́ди чу́жих интере́сов. Он бы́л краси́в, если счита́ть краси́вым мужчи́ну с волоса́ми цве́та топле́ного моло́ка и дли́нным носом. Она́ все же подо́зревала́, что́ не нра́вится ему́, хотя́ у Элино́р не бы́ло ве́ских основа́ний, что́бы так счита́ть, если́ не учиты́вать безра́зличия, кото́рое она́ поро́й ловила́ в его́ взгля́де, ко́гда Джо́рдж наблюда́л за ней.

— Поско́льку в горо́де ты неда́вно, и не́кому посо́ветовать тебе́, как себя́ ве́сти, я взя́л на себя́ сме́лость на́вестить гра́финю Ливе́н. Увере́н, ты захо́чешь как можно́ ско́рее познако́миться с ней, я смо́гу сопро́вождать тебя́ в сле́дующую сре́ду.

— Спа́сибо, — отве́тила Элино́р, — но мне ка́жется, ни мисс Блэ́йкли, ни я не нужда́емся в сопро́вожда́ющем.

Показа́лось ли ей или́ его́ брови́ дрогну́ли?

— Как пожелаешь, но не сомневаюсь, скоро ты обнаружишь, что на такого рода мероприятиях лучше иметь мужчину-сопровождающего.

Элинор вновь зашагала вперед, надеясь, что мистер Локхарт, выполнив родственный долг, оставит ее в покое. Рядом с ним она чувствовала себя ребенком, хотя он был старше ее всего лет на шесть.

Он последовал за девушкой.

— Могу я проводить тебя?

«Нет, не можешь», — сердито подумала она, но не сказала вслух. Может, ей и не нравился мистер Локхарт, но он был для нее самым близким родственником, а она не могла заставить себя сжечь все мосты. Тем не менее это не означало, что она обязана его развлекать.

В молчании они прошли к Сент-Джеймс. Когда вошли в парк, мистер Локхарт заметил:

— Твое деревенское воспитание дает о себе знать. Ни одна леди, воспитанная в Лондоне, не позволила бы себе столь длинной прогулки. Отвезти тебя домой? Мой экипаж стоит прямо у Грин-парка.

Элинор расправила плечи, преисполнившись решимости.

— Если прогулка для вас слишком утомительна, возвращайтесь назад в экипаж. Я пойду дальше.

— Уверяю, мой совет искренен. Ты не часто бывала в обществе, ведь едва оставив школьную скамью, ты вышла замуж за моего дядю. Я бы не хотел, чтобы тебя исключили из общества до того, как начнешь его завоевывать.

Его голубые глаза сверкнули, а тонкие губы сжались. Было ли это предупреждение?

Элинор подавила вспышку гнева, вызванную такой самонадеянностью. Она не хотела доставлять мистеру Локхарту удовольствие наблюдать за ее реакцией.

Они продолжили прогулку и вскоре подошли к круглолицей, розовощекой женщине, вокруг которой паслось несколько коров.

Мистер Локхарт вздохнул.

— Что ты задумала, Элинор?

Она невинно взглянула на спутника.

— Разве мисс Блэйкли не сказала вам? Я хотела попробовать молоко в парке. И вы должны попробовать... прошу, мне хочется угостить вас. — Элинор предусмотрительно захватила из кухни маленькую оловянную чашку. Достав ее из ридикюля вместе с монетой, Элинор подошла к молочнице.

Мистер Локхарт раздраженно сжал губы. На какое-то мгновение ей показалось, что он откажется, но затем его взгляд упал на наблюдавшую за ними женщину, и он выдал из себя улыбку.

Молоко было теплым и пенистым, значительно вкуснее того, что подавали дома, — как подозревала Элинор, разбавленного водой. В любом случае то, как мистер Локхарт давился им, делая глотки из кружки, которую предложила молочница, компенсировало необходимость оставаться в его компании.

— Напиток, — сказал он вполголоса на обратном пути к экипажу, — который пьют лишь дети и малокровные девицы.

Элинор проигнорировала замечание, явно относившееся к ее худобе, и заверила мистера Локхарта, что никто, увидев, как он пьет молоко, не примет его за ребенка или девицу.

— Конечно же, нет, — ответил он. — Но могут подумать, что мы оба лишились разума.

— Ни в коем случае, — парировала Элинор, мило улыбаясь мистеру Локхарту, пока тот помогал ей сесть

в экипаж. — Для этого пришлось бы предположить, что разум у вас был.

Его рука крепче сжала ее, и от силы, с которой мужчина стиснул ее пальцы, Элинор внезапно похолодела. Не слишком ли много она себе позволила? На мгновение ей показалось, будто мистер Локхарт хочет ее задушить. Но вместо этого он отпустил спутницу и легко запрыгнул в экипаж, подхватив хлыст, прежде чем заметить:

— «У нее больше волос, чем ума, больше недостатков, чем волос».

Элинор узнала строку из «Двух веронцев» Шекспира. В конце концов, в школе ее научили кое-чему, прежде чем оплата за обучение, поступавшая от ее загадочного отца, прекратилась, вынудив девушку уехать. Пытался ли мистер Локхарт ответить на ее оскорбление?

Когда экипаж рванул вперед, она сложила руки на коленях.

«*Не вяжывайся в ссору*», — приказала она себе. Но Элинор всегда предпочитала отвагу благоразумию и не могла отказать себе в хорошем словесном поединке.

— Вы забыли последнюю строчку.

Мистер Локхарт скрипнул зубами.

— Какую же?

— «У нее больше волос, чем ума, больше недостатков, чем волос, и больше денег, чем недостатков», — процитировала Элинор. — Меня можно назвать глупой, но едва ли нищей, не так ли?

После этого мистер Локхарт, ожидавший богатого наследства, пока его дядя не женился на Элинор, проворчал нечто невразумительное и не раскрывал рта до тех пор, пока не высадил ее на пороге дома, — и то лишь для того, чтобы коротко пожелать хорошего дня.